

НЕОН ОНА И НЕ ОН.

ЧАСТЬ I

АЛЕКСАНДР СОЛИН

18+

Александр Солин

Неон, она и не он, часть I

«Автор»

2026

Солин А.

Неон, она и не он, часть I / А. Солин — «Автор», 2026

Если кто-то считает, что у красивой женщины - красивая жизнь, то с Наташей так все и было вплоть до четырнадцати лет. "Папина дочка", - говорили про нее, едва личико ее расправилось и научилось улыбаться. Многократное подтверждение этой замечательной схожести заставляет предполагать, что господь бог с его генетиками хочет, чтобы первый ребенок женского пола был похож на отца, а первенец-сын – на мать. Такое перекрестное опыление действует до поры до времени, ибо то, что не видно вначале, обязательно обнаружится позже, и папина дочка к старости непременно обретет материнский характер, а маменькин сынок на склоне лет обнаружит в себе отцовское нутро, и, стало быть, справедливое равновесие будет восстановлено.

© Солин А., 2026

© Автор, 2026

Александр Солин

Неон, она и не он, часть I

*Всегда кажется, что нас любят за то,
что мы так хороши. А не догадываемся,
что любят нас оттого, что хороши те,
кто нас любит.*
Л.Н.Толстой

Родина там, где чувствуешь себя свободно...
Абу-ль-Фарадж

ЧАСТЬ I

Когда открылась на нужной странице книга Судеб и, устранив вольное толкование небесных орбит, утвердила его право, когда проникла в него наследственная пыль неисповедимых путей и обернулась звериной мудростью; когда первый луч света отразился в зеркале невинной души, а единоутробные страхи напугали сон грядущими откровениями – взошла луна его предписанного одиночества и озарила туманный ландшафт навязанного пространства.

В далеких лесах дикие звери разминали мягкие лапы, намереваясь встать у него на пути. На высоких склонах подрагивали гремучие камни, готовясь обрушиться на его голову. Догнивали изнутри расшатанные помосты, чтобы рухнуть под ним.

Давно отменили рисунок импрессионисты, заменив его разноцветными квантами энергии, отчего дрогнула и ожила трепетная фольга листьев, прислушиваясь к синевато-малиновому монологу барбарисового куста.

Черные люди на другом конце земли возвестили новую эру, исказив до неузнаваемости гармонию и звук, а в небе расцвели огненные цветы.

Пустые заботы плыли в лодках по сухим расплюснутым городам, сверяя свой путь с карманными путеводителями в мягких обложках.

Мерцающие вампиры поселились в дворцах и хижинах, навязывая мнения, плодя бойкие языки и вычитая из отпущенного срока тшету многочасовых бдений.

Миллиарды мужчин и женщин назначали и отменяли встречи, жевали и спали, болели и выздоравливали, обновляя свои вирусные базы.

Муравьи рассуждали о глобальных проблемах, пытаясь представить, что будет, когда они обзаведутся автомобилями.

И только юный ветер мечтал сочинить нечто глубокое, лазурное, негаснущее, полное покоя и благого обмана, и тем утолить голод камней и жажду рек, разгладить искаженное лицо печали и возвысить звук одинокой струны.

Не тогда ли впервые услышал он плач зверя и увидел, как догорает чужая луна?

1

Тихая заводь несмысленного возраста, в которой водится белобрысое существо, не ждущее подвоха. Богатство мира множится с каждым днем. Его можно потрогать, его можно назвать. Почему нельзя то, что хочется? Почему невозможно взлететь? Где живет повелитель всего? Ветер заставляет жмуриться и склеивает слезами ресницы, пряча от глаз зеленую даль, откуда он прилетел. Воздух невыразимо хорош. Он живет на лугу и под домом, он пахнет небом

и одеколоном на щеках отца, сквозь который пробивается слабый аромат материнских духов. Как страшно одному в темноте! На крыльце плачет котенок. Собачье тело под шерстью теплое, как лужи после дождя. Изловчиться и поймать то, что можно съесть. Рыбу, например. Кинуть ее в банку с водой, где она будет умолять отпустить ее за три желания. Вокруг много "нельзя", а если что-то интересное, то чужое. Построились по двое и взялись за руки! Почему ему не хочется отпускать ее руку? Когда он вырастет большой, он на ней женится. Он знает песни и хочет их распевать. Он знает стихотворения и хочет их петь. У него есть краски, и он хочет рисовать. Вокруг него люди, и он хочет их любить, потому что они любят его...

Все это теперь не более чем дальние подступы к сегодняшней высоте, разглядывая которые в бинокль памяти можно различить как общую диспозицию, так и отдельные места их волнистого рельефа. Хорошо, например, видны неподвластные ржавчине и подернутые мягкой дымкой умиления конструкции дружбы. Легко угадываются затянутые мхом позднего прощания укрытия, где он прятался от артобстрелов насмешек. Скромно выглядят развалины неприязни, поросшие бурьяном забвения. Лучше всех, пожалуй, сохранились участки, вспученные ярким и упругим, как итальянская увертюра любовным чувством. Панорама тех лет - что набор картинок неравноценного качества. Одни выпцвели, другие исчезли, третьи шевелятся по ночам, четвертые нуждаются в сопровождении слов и жестов. В них нет объема, ни перспективы, и маскировочная сетка забвения разбежалась мелкими трещинами по их тусклой лакированной поверхности. Его присутствие на многих из них можно было бы теперь считать неловким и даже смешным, если бы нынешняя, промежуточная высота не заставляла смотреть на прошлое снисходительно.

...Следующие за детством дни его, складываясь в линию слабоколебательного характера (слабохарактерного колебания?), прочертили короткий отрезок отрочества, по которому полноватый и неуклюжий подросток проследовал под присмотром отца-инженера, матери-конструктора и беспартийных бабки с дедом до певучей своей юности. В мелкаячеистой его памяти мелкой рыбешкой запутались люди, предметы и приметы, из которых с пластилиновой легкостью лепилось его взросление.

Только что он, поторапливаемый матерью, покинул их тесное жилище, и вот уже трехмерное тело коммунальной квартиры схлопнулось в плоскость входной двери, а сам он, скользя на лифте по оси ординат до нулевой отметки, двигается по асфальтированной дуге гигантской окружности до тех пор, пока его дом не превратится в точку А, а точка Б не станет школой. Там он, доверившись взрослым на слово и подгоняемый, словно подопытный зверек оглашенными звонками, мечется по лабиринту педагогического процесса, набивая соты памяти тем, что однажды окажется ненужным и, выпав в осадок, растворится в ней, не оставив о себе ни малейшего сожаления. Гораздо полезнее, хотя и болезненнее опыты общения и разобщения, которым подвергается добрый, чувствительный подросток с глазами, исполненными удивленного внимания. Через несколько часов он находит из этого лабиринта выход и, поменяв левую сторону на правую, движется в направлении родных стен.

Маленький прилежный человек обречен находиться среди стен даже больше, чем взрослый. А потому ничего удивительного в том, что он стремится раздвинуть их единственным доступным ему способом - чтением книг, лаская ими до поры, до времени свое деятельное воображение. Кроме того, у него есть слух, и от музыки он испытывает непонятное волнение. Он не любит шумные игры, сторонится возбужденных сверстников, но он не жаден, и у него всегда можно списать. К этому следует добавить, что звук "р", попав ему в рот, не находил там места и слетал с языка, оставляя после себя дырявое созвучие.

Его дни за исключением сезонных болезней ровны, предсказуемы и отмечены запланированными открытиями. Кто, глядя на спокойного, рассудительного мальчика скажет, что внутри него бушует онтогенез: в три смены на полную мощность трудятся химическая и строительная промышленности, и многорукие нейроны, плодясь и размножаясь, крепкими рукопожатиями

плетут сети разума; что команда из отборных инстинктов уже готова принять роды маленького "я" и поместить его на самосохранение в компании с самолюбием, самомнением и самообманом. И, пожалуй, самое главное - в секретной лаборатории уже сварен и вот-вот отправится в кровь бурливый настой из рогов и копыт широко известного господина с тем, чтобы приготовить отрока к мистерии грехопадения и лишить его ангельской сущности. И что немаловажно - в этом возрасте все политические режимы хороши.

Одно событие следует упомянуть здесь особо – переезд семьи из коммуналки на Петроградской в двухкомнатную квартиру на Гражданке. Вдруг разом, до судорог в горле рухнул его тщательно оберегаемый мир скудных привязанностей, включающий двух очкастых друзей и тихую девочку Ксюшу, примечательную, скорее, яркими бантами, чем бледным невзрачным личиком. Поразительная детская способность затаить в себе даже взрыв сверхновой откликнулась на событие лишь легкой рябью недовольства на лице, зато потрясла его сны. Остаток учебного года в шестом классе новой школы он провел в душевных конвульсиях, врачую боль мягкой, как губка души знакомством с тремя ровесниками своего склада, обнаруженными им во дворе громадного дома.

В начале лета за ним приехал второй дед и увез с собой в Пензенскую область в небольшой город Кузнецк, где он был принят детьми отцовых сверстников со всем подобающим его происхождению и титулу ленинградца уважением. Изумленный приятным вниманием, он впервые обнаружил прямую и стойкую пользу своему положению в вещах, так же отстраненных от его сути, как модная одежда от тела. Это было замечательное ласковое лето среди грубоватых, простодушных детей провинции, живших с родителями в деревянных, обнесенных заборами и зеленью домах вдоль пыльной пыльной дороги недалеко от реки. Лето, полное солнца, воды, движения и южного пахучего ветра. Здесь он впервые играл в футбол, и был назначен вратарем, поскольку ничего другого не умел. Эта роль так точно легла на его почти мессианское ощущение мира - вставать последней надеждой на последнем рубеже - что более страстного вратаря не видели здесь ни до, ни после него. Домой он вернулся загоревшим, похudevшим и ласковым. Таким он и отправился в седьмой класс.

Не заискивая, не ища расположения, он постепенно сошелся с такими же сыновьями перемещенных на окраину лиц, как он сам, и к концу учебного года был произведен горластым большинством в главные умники по планированию. Мир потеснился и освободил для него место под солнцем.

Если его спрашивали, он говорил, что лучше сделать так-то и так-то. Если с ним не соглашались, он не спорил, но почему-то всегда выходило, что лучше было так и сделать, как он сказал. Ни командовать, ни указывать у него не получалось, и от этого положение его держалось на чистом авторитете. Завистникам же оставалось только шипеть по поводу его главного недостатка – картавости. Оттого-то, умея говорить, он больше предпочитал слушать других.

Летом он снова был в Кузнецке, где выяснилось, что на свете живет замечательная девочка Галка Синицкая, у которой веснушки вокруг носика, белые зубки, влажные пухлые губы, легкие гладкие ноги, а русые волосы, собранные на затылке хвостиком, каждый день перетянуты новой ленточкой. Еще выяснилось, что кроме нее есть Тамара Носкова, девочка скромная, стеснительная, черноволосая, с длинной шеей и тонкими лодыжками. Все лето он пытался решить для себя, какая из них лучше, изумляясь той незаслуженной фамильярности, с которой другие мальчишки с ними обращались. За лето он подрос на четыре сантиметра.

В восьмом классе его взросление продолжилось, подбираясь к тому новому состоянию, с которым ему предстояло вскоре породниться. Незаметным образом исчезла полнота, неуклюжесть сменилась очевидной ловкостью, исполненные наивности и удивленного внимания глаза заполнились убедительным ироническим блеском, великодушием обогатилась доброта, приятная спокойная улыбка укротила чувствительность. Кроме того, в русском языке обнаружилось все больше слов, лишенных дырявого звука, что позволяло ему успешно маскиро-

вать свою ахиллесову пяту, предосудительную славу которой он никак не мог взять в толк. И, наконец, ближе к весне, тестировать его новые достоинства явилась первая любовь собственной персоной.

У него, как это обычно в этом возрасте бывает, вдруг открылись глаза, и он обнаружил в одной из одноклассниц, до этого ничем не примечательной, необъяснимую и волнующую перемену в выражении лица, фигуре, манере укладывать волосы, походке, голосе, общении. Робость – вот итог его наблюдений, смятение – вот контрапункт его чувств. Можно ли без волнения наблюдать соединение пухлых пунцовых губ и сочной спелой мякоти яблока, или как сплетение тонких пальцев рук сочетается под нежным подбородком с напускной строгостью? Как потупленный в тетрадь взор оставляет без присмотра черный пушистый веер ресниц? Как в кругу подруг воодушевленное озорным вдохновением лицо ее совершает открытие за открытием? Трудно представить, что было бы с ним вечерами, если бы не музыка. И когда его любимые "Би Джиз" с отечественного магнитофона "Весна-202" (дорогуший подарок внуку от двух еще крепких ветвей семейного дерева) сладкими голосами твердили ему, как глубока его любовь – лишь в ней одной находил он отраду и утешение.

Он искал любой повод, чтобы приблизиться к ней и сказать что-нибудь небрежное в сторону погоды, например. Подходил всегда как бы случайно, боком, нутром чувствуя, как пространство между ними уплотняется до непреодолимого барьера. Тон его к тому времени приобрел улыбчивую язвительность – верный признак внутреннего прозрения и здорового недовольства миром. О том, чтобы ненароком коснуться ее не было и речи. На уроках он научился подглядывать за ней особым способом – расставлял локти, подпирал лоб растопыренными пальцами и подолгу смотрел на нее сквозь тающие по краям розовые щелочки, отчего математичка однажды поинтересовалась, не болит ли у него голова. Нет, голова у него не болит, однако с сердцем явно не все в порядке. Но вот, наконец, она случайно ловит его взгляд, и беззаботная улыбка бледным голубем летит к нему с ее лица. Из черных мартовских туч прямо на горячее солнце падает белый снег!

Сладкая пытка первой любви, шрамы на сердце от которой остаются на всю жизнь, продолжалась до конца учебного года. По его окончании был устроен выпускной вечер, поскольку немалая часть восьмиклассников покидала школу, чтобы распорядиться остатком жизни по собственному усмотрению. Первый взятый рубеж, как первая храбрость, и когда артист советской эстрады запел про честную любовь, он отбросил к черту условности и пригласил ее на танец, прикоснувшись, наконец, к своей мечте. Глядя через ее плечо, он потным голосом сообщил, что его любимая группа – "Би Джиз". В ответ она сказала, что обожает Аллу Пугачеву, а также сообщила, что родители решили отправить ее в техникум. "А как же я?" – вот вопрос, который после ее слов комом застрял у него в горле, начисто испортив настроение. В тот вечер он еще дважды танцевал с ней, но так и не посмел взглянуть на нее в упор.

Через пять лет он совершенно случайно встретит ее на улице и узнает. Остановит ее, назовется и будет жадно вглядываться в нее, отмечая неровный цвет лица и чуть заметную рыхлость кожи, прыщики над губой и на скулах, нечистые волосы и пухлые пальчики с потертым маникюром, которыми она будет жестиковать перед его носом, обдавая потоком невыразительных слов. Быстро выяснится, что она свободна и не прочь встретиться, но он сделает вид, что торопится и покинет ее, так и не признавшись, кем она для него когда-то была. На прощанье она даст ему свой телефон, и он запишет и пообещает звонить, но так и не позвонит.

2

Если кто-то считает, что у красивой женщины – красивая жизнь, то с Наташей так все и было вплоть до четырнадцати лет.

"Папина дочка", - говорили про нее, едва личико ее расправилось и научилось улыбаться. Многократное подтверждение этой замечательной схожести заставляет предполагать, что господь бог с его генетиками хочет, чтобы первый ребенок женского пола был похож на отца, а первенец-сын – на мать. Такое перекрестное опыление действует до поры до времени, ибо то, что не видно вначале, обязательно обнаружится позже, и папина дочка к старости непременно обретет материнский характер, а маменькин сынок на склоне лет обнаружит в себе отцовское нутро, и, стало быть, справедливое равновесие будет восстановлено.

Наташин родитель был мужчина видный и основательный. Из особых примет кроме раскидистой на обе стороны шевелюры, орлиного взгляда и твердого подбородка с ямочкой, имел мягкий баритон, которым, подыгрывая на гитаре, возбуждал к себе интерес на комсомольских вечерах и в беспартийных компаниях. В сочетании его имени и фамилии - Николай Ростовцев – люди мало-мальски образованные слышали прозрачный отзвук школьной хрестоматии, что в сочетании с его мужественным обликом заставляло испытывать к нему почтительную симпатию. Удивительно ли, что дочь его, еще не успев родиться, уже звалась Наташей. Наташа Ростовцева – в этом есть некое приобщение к эпическому, этакий деликатный замах на знатность, своего рода попытка через родство фонетическое намекнуть на родство духовное. Вот если бы так звали дурнушку, то ни приобщения, ни замаха, ни намека тут не было бы и в помине, а было бы лишь бестактное намерение без всяких оснований попользоваться нестареющим телом русской литературы. Можно себе представить, какую коллекцию ухмылок собрала бы ни в чем неповинная девушка, случись с ней такая неприятность!

Другое дело Наталья Николаевна, у которой папины достоинства, безусловно, усилились мамиными, поскольку очевидно, что жена Наташиного папы должна была обладать прелестями, соответствующими его качествам. А потому иначе, как ангелочком Наташу никто не называл. Маленькая Наташа не возражала и шла к зеркалу. Ведь это так важно для будущей женщины, когда, обращаясь к своему отражению, видишь там небесное существо в бантиках, сидящее на руках бога-отца! К трем годам проникли в нее его приметы - раскидистая шевелюра, орлиный взгляд, твердый подбородок с ямочкой, крепкий прямой нос, добрый рот с мягким баритоном и мужественный запах – проникли, легли на душу и стали эталоном.

В детском саду не было отбоя от охотников до ее руки. Она гуляла со всеми по очереди, но замуж выходить ни за кого не собиралась. Умиление окружающих сделало ее если не капризной, то своенравной, что мальчишкам почему-то нравилось. Она прилежно поглощала ту сказочную пищу для детского ума, от которой натурам впечатлительным позже с таким трудом приходится избавляться. Знала много стихов и декламировала их с блеском в глазах. Разучивала новые песни, и не только потому, что этого требовала мама-педагог. В квартире вместе с ними проживало пианино, злорадно поджидая, когда она подрастет.

В восемь лет она была спокойной и независимой девочкой, внимания которой домогались одиннадцатилетние мальчишки, не говоря про ровесников. Поскольку были они все потомственные отпрыски чумазных трубоделов, какими славился родной Первоуральск, то и услуги по переустройству окружающего мира они предлагали соответствующие. Например, привязать к кошачьему хвосту пустую банку и отпустить кошку. И привязывали, и отпускали, ища ее одобрения. Но пригрела она своим вниманием лишь невзрачного мальчишку без имени, который принес ей откуда-то грязного котенка.

Мальчишки – это скучно. Низкорослые и коренастые, щербатые и наспех стриженные, они очень хотели быть взрослыми. Они возникали перед ней с таинственным огоньком в глазах – она их не замечала. Они курили и норовили коснуться ее руки – она морщила нос. Они мечтали летать - она их не понимала. Они уверяли, что на небе сидит боженька – она говорила "Глупости!" и уходила играть в классики без малейшего интереса к причинам повышенного к ней внимания.

Ей было позволено все. Ей наперебой предлагали золотую рыбку и ветер, что склеивает ресницы, воздух на лугу и велосипед, место вратаря и кубик Рубика, блатной нож с наборной ручкой и уж совсем странные вещи – спрятаться в темном сарае. Малолетний кобелек лет двенадцати, скороспелый почитатель онанизма, воспроизводил все ужимки взрослого соблазнителя – таинственно шурился, кривил рот и подмигивал, затем наводил на нее гипнотический огонек беспородных желтых глаз и, понизив голос, говорил: "Ну чё, идем?" Подружка Катька, что состояла при ней адъютантшей, и в чьи обязанности входило пробовать и оценивать предлагаемые дары и услуги, была послана туда вместо нее. Оказалось, что в темном сарае целуются, и что, по мнению Катьки, это ништяк. Разумеется, она туда не пошла. Ее единственным мужчиной на свете по-прежнему оставался любимый папочка.

Размеренная провинциальная жизнь в заводском доме с центральным отоплением и кнопкой звонка у двери, постоянно занятые умственным трудом родители, школа обычная и музыкальная, аккуратные тетрадки с пятерками, учебники, обернутые мягкой бумагой, домашние задания и тихие бабушкины шаги за спиной, неподатливые клавиши и олады с малиновым вареньем, теплая постель и зимняя стылая темень за окном, в которой нужно отыскать школу, предрассветные позевывания и Катькин торопливый, подогретый горячими новостями говорок.

К двенадцати годам черновик ее пропорций сформировался, смущая воздыхателей ранней соблазнительной гибкостью. Но поскольку желание нравиться в ней еще не проснулось, то и признание собственных достоинств задерживалось до лучших времен. И когда однажды верная толстуха Катька пожаловалась ей на жизнь: "Тебе, Наташка, хорошо, ты красивая!", она оказалась неспособна оценить всю глубину Катькиной грусти. И когда в тринадцать прибежала показать матери трусики с характерными следами, к появлению которых теоретически была готова, и мать, в задумчивом порыве прижав ее к себе, дрогнувшим голосом объявила: "Совсем ты у меня взрослая стала!", ее нимало не тронул тот факт, что вот она и превратилась в готовое прорасти зерно.

Теперь уже и старшеклассники запускали в нее прицельные взгляды. Ее же одолела страсть к физкультуре. Все виды ей нравились, но особенно полюбились лыжи и бег на длинные дистанции. После дистанции она была возбуждающе хороша. Летом - с прилипшими к матовому лбу каштановыми прядями, испариной возле носика и блестящими глазами, сверкающая длинными голыми ногами и принимающая, сама того не ведая, позы грешной невинности. Зимой - с румянцем в кремовых обводах, в лыжной, сдвинутой на затылок шапочке и поигрывающая складным гибким телом, без всякой, опять же, заботы об изяществе поз.

Кажется, только здесь и проявлялся ее темперамент, глубоко запрятанный в остальное время под испытующим взглядом способной и воспитанной девочки. Сдержанность и полное отсутствие кокетства - словно задумали ее для какой-то высокой и непогрешимой цели. Хотя были еще, пожалуй, обстоятельства, где проявления ее личности доходили до открытого восторга. Грандиозные походы по Чусовой, что регулярно совершались отцом и его товарищами, и в которые брали ее, остались в памяти залежами золотой руды.

Эта многоликая переменчивая река, одинаково способная служить аллегорией настроениям, противоположным по смыслу, была словно будущая жизнь – непредсказуема и восхитительна. Земноводное, обреченное на вечное движение существо с цветом и повадками змеи, чье дно не способно разглядеть даже летнее солнце и чьи крутолобые берега прикрывают наготу зеленой шубой, из-под которой нет-нет, да и проступит любопытное каменное лицо, чтобы взглянуть на распростертое перед ним сельцо. Привалы на пологих песчаных берегах, прохладная свежесть упругой влажной кожи, бурные, рождавшие жалость судороги серебряного рыбьего отчаяния, бормотание смолистого лешего, пробуждавшее странные пугающие желания, костер с ароматом дальних дорог, уха со звездами, гитара, языческий танец огня,

смешные и грустные песни, мягкий баритон ее отца и сам он, душа компании – добрый, легкий, несравненный. А вокруг Урал – вольный, неприступный, могучий, сказочный...

Была у нее в седьмом классе соперница, Нинель Скворцова – девочка не менее яркая, но вздорная и недалекая, собиравшая вокруг себя сверстниц себе под стать. Девочки тихие и серьезные жались к Наташе, она же принимала их под крыло, не спрашивая себя, за что ей такой жребий. От их соперничества класс напоминал вешний поток, меж высоких берегов которого колыхался капризный прибой предпочтений. Были тут и там свои перебежчики, разведчики и диверсанты. На переменах Наташа выслушивала донесения, сплетни и ябеды, выносила приговоры, мирила и разводила, и в отношениях с подружками последнее слово всегда было за ней. С мальчишками обращалась, как с существами глупыми, назойливыми и бесполезными, чем отдаляла от себя обидчивых, пополняя ими свиту соперницы и оставляя себе самых стойких и молчаливых. И все же она, скорее, держала оборону: не в ее вкусе было строить козни.

Тем летом ее в последний раз отправили в лагерь. Достигшая верхнего предела пионерского возраста, она оказалась в первом отряде, обнаружив уникальность своего положения в сравнении с прочим неспелым красногрудым населением лагеря. Кто бы сомневался: ведь для девочек первый отряд – это пробирка, в которой юное девственное вещество, соединенное с солнцем, ветром, водой и вниманием, вступает в реакцию с псевдовзрослыми ожиданиями мужского амфитеатра. Это, если хотите, последняя стадия посвящения, которую родной пионерский монастырь устраивает своим воспитанницам перед вольным странствием. А всякому посвященному, как известно, положено знать мирские тайны.

Нельзя сказать, что тайны эти были скрыты от нее раньше, имея в виду окружение всезнающих подруг. Просто пикантные подробности межполовых отношений всегда относились ею в разряд "бессовестных" и скользили мимо ушей, не проникая внутрь. И хотя на пляже особенности девичьей анатомии в сравнении с мальчишеской со всей очевидностью проступали наружу, она ни по доброй воле, ни под влиянием нескромных подруг не углублялась в запретную с детства зону.

Впрочем, принимая во внимание нюансы отечественного семейного быта, принуждающего родителей заниматься любовью чуть ли не на глазах своих детей, или, как в Наташином случае, отгородившись дверью спальни, здоровому детскому любопытству вполне по силам почерпнуть из их придушенной возни кое-что полезное для своего кругозора. Вот и Наташа, влетая воскресным утром в родительскую спальную, не раз, случалось, заставляла их в объятиях пусть и остывающих, но при ее появлении быстро и стыдливо распадающихся. Обнаружив их смущение, Наташа спешила ретироваться, чтобы избавить себя от неловкого прикосновения к чему-то такому, чего стыдятся даже сами взрослые. В такое утро мама была главной в доме, и папа, попадаясь на ее пути, с особой нежностью целовал ее, а она с томной грацией отвечала на его нежности. Видя в этом продолжение того тайного и неудобного, что между родителями недавно было, вникать в особенности взрослой жизни Наташа, тем не менее, не спешила, и все мамины попытки насторожить и упредить, также как подруг просветить и возбудить стекали с нее розовым дождем искреннего недоумения.

Может, с высоты наших дней такое пугливое неведение кому-то из молодых покажется неубедительным, но не стоит забывать, что это было время стыдливых запретов и глухих намеков, время, когда слово «презерватив» произносилось с оглядкой и понижением голоса, а девичьей честью дорожили крепче, чем партбилетом. Подкрепленные неписаными канонами воспитания, соображения эти способствовали строгости и благочестию нравов, порушенных ныне приключившейся с нами неоновой революцией, всеми средствами внушающей ошалевшему обывателю, что похоть человека и есть его суть.

Но вот, наконец, Наташе четырнадцать, она в лагере и спешит приобщиться жгучих тайн. Общественный долг был задвинут ею далеко на задний план, уступив место неудержимому

напору чувств и обмиранию внутренних органов. Словно голоногие спутницы богини юности бродили они в свободное время по двое, по трое, горделиво расписывая своих дружков или признаваясь в симпатиях к ничему не подозревавшему, а то и вымышленным героям. Ей пришлось выдумать образ воздыхателя, тем более что выбирать было из кого. В ее рассказах он выглядел вроде пуделя - большим, лохматым и верным. Заслонившись полуправдой и благоراضно поддакивая, она жадно впитывала сочные подробности чужих откровений, тракторкой сильно напоминавших сомнительный прогноз погоды. Все ее товарки были пока невинны, но целовались уже по их словам отчаянно и, главное, знали, где следует остановиться. Слушая их сказки, развешивало уши солнце, молодец сосновый лес, возбуждались невидимые птицы, распрямлялся травяной покров, струили дурман потайные железы цветов. После отбоя те же разговоры велись под вертлявый скрип пружин и писк комариных бормашин.

Через два дня Наташа решила - надо влюбиться, как все. Она принялась присматриваться к наличному мальчишескому составу, и ее идеал совпал с командиром их отряда и капитаном футбольной команды лагеря Лешей Переделкиным - крепким, симпатичным и до строгости серьезным мальчишкой. Оставалось обратить на себя его внимание.

Она повадилась являться на тренировки и, стараясь попасть ему на глаза, прогуливалась по беговой дорожке. Во время игры, ярко и страстно болела, вскакивала, хлопала и кричала "Давай, Леша, давай!". Но поскольку то же самое делали почти все девчонки, его внимание на нее никак не обращалось.

Если где-то поблизости раздавался Лешкин голос, она непроизвольно искала глазами его обладателя. На построениях поела юного командира немигающим взором, чтобы поймать его взгляд, тут же улыбнуться. Помимо этого молча и жадно прислушивалась к разговорам, в которых так или иначе упоминалось его имя. Однажды ночью он ей даже приснился. Однако добила ее она лишь того, что одна из ее новых подружек смутила ее, сказав: "Ты че, тоже в Лешку влюбилась? Не трать время, он за Юлькой бежит!"

Это было бы смешно, если бы не было похоже на заклятье - Юлька была яблоком с той же яблони, что и Нинель. Здесь лишний раз подтвердилось ее похожее на миссию свойство: там, где она появлялась, девочки тихие и серьезные жались к ней, как к положительному магнитному полюсу, и при этом обязательно находилась стерва другой полярности, что собирала вокруг себя всех остальных.

Между тем ее на все лады расхваливал старший пионервожатый Костя, на нее заглядывалась добрая половина лагеря, ее записками и через подружек каждый вечер звали на свидание. Она возлагала большие надежды на прощальный костер, но оттесненная Юлькой и ее хохотушками, очутилась сбоку и позади Лешки, где задорными песнями выворачивая себе душу, весь вечер прощалась с его бессердечным профилем, озаренным растущей вверх рыжей бородой костра.

Возвратившись из лагеря, она все чаще стала посматривать на себя в зеркало.

3

Узнав через неделю, что Инку на все лето отправили на дачу, он к радости родителей согласился ехать к деду в Кузнецк.

Все его кузнецкие друзья оказались на месте и в добром здравии. Они повзрослели, и если бы он не удовольствовался радостным бабушкиным утверждением, какой он стал большой, то примерив матрицу их перемен на себя, испытал бы законное удовлетворение от параллельности их метаморфоз. Тем более что собственного взросления, как и все в его возрасте, он не замечал и в зеркало глядел, только укладывая поперек взгляда тонкие светлые волосы. Но, во-первых, сама по себе такая примерка малоэффективна даже в зрелом возрасте – стареют все, но только не мы – а во-вторых, и без того было очевидно, что они обогнали его: руки в

карманах и папираса в зубах была их обычная нынче поза. Как обещанием наверстать отставание он обменялся с ними крепким рукопожатием и всем лексиконом мегаполиса погрузился в переоценку мужских ценностей, побитых за год молью времени. Он явился сюда не с пустыми руками: он привез им "Би Джиз", о которых здесь слыхом не слыхивали.

Последовали упоительные дни абсолютной свободы, насколько мог быть свободным в России летом восемьдесят второго года пятнадцатилетний юноша, лишенный корысти, подлости, коварства, похоти и уроков. Благословенные дни, когда можно было безнаказанно смеяться над несовершенством мира, не заботясь о том, что когда-нибудь мир обнаружит твое собственное несовершенство, превратив кожу и душу в пергамент оскорбительных надписей. Незабвенные часы, опаляемые солнцем, остужаемые водой, облаканные горячим песком и унесенные розой ветров вместе с запахом полыни на все четыре стороны!

День начинался среди чуткой прохлады отчего дома. К десяти утра свет в окне набирал силу, в силу чего срабатывали фотоэлементы глаз и будили его по частям: сначала за голову взлетали руки, затем вздымались колени, потом выгибалась спина и, наконец, отправив все перечисленное по местам, включалась хлопающая глазами голова. Продолжая лежать, он прислушивался к миру, пока не обнаруживал за стенкой движение. Тогда он вставал и шел за стенку. Бабушка и дед приветствовали его. Пригоршня воды на еще не знакомое с бритьем лицо и завтрак - жареная колбаса с яичницей, хлеб, масло, молоко. "Не торопись!" - просила бабушка, улыбаясь.

По окропленной росой дорожке из вросшей в землю каменными корнями плитки, мимо сочной яблочной тени, к калитке и дальше, на середину улицы, где меж продавленной колеи стелется во всю длину улицы зеленый коврик - чтобы взглянуть, не маячит ли в ее концах кто-нибудь из своих. Если нет, то шел выяснять, в чем задержка. Обычно задержка происходила от хозяйственной занятости, которой все его друзья были, так или иначе, привержены.

Его здесь любили и заботами не грузили. "Совсем на Костю не похож. Вежливый очень. Костя, тот разбойником был" - сказала однажды, как ей показалось вполголоса, бабка деду. На что дед резонно заметил: "Какие его годы, успеет еще..." Что такое быть разбойником? Ходить босиком в подвернутых штанах с папирасой в зубах и, не вынимая рук из карманов, звонким матерным словом подкреплять несовершенные устои жизни? Он попробовал представить себе отца в таком виде и смутился.

Собравшись, как минимум, вдвоем, обсуждали, чем заняться. Если все приметы были в пользу жаркого дня, и от небесной жаровни уже с утра веяло подгоревшим сизым маревом, а брошенные ветром на произвол судьбы листья готовились к изнурительному отражению солнечных атак – они шли на речку с неосторожным именем Труёв, которую они, спасая от грубых шуток, звали Труйка. Там и тянулось незаметно их время, перематываемое кассетой магнитофона и перемалываемое крепкими, как их зубы детскими словами. Рано или поздно появлялись Галка с Тамарой, делая их суровую мужскую жизнь возбуждающей и лучезарной.

Не имея возможности обнажиться друг перед другом в бане, мужчины и женщины приходили для этого на пляж. Таково всеобщее раздевательное свойство береговой полосы, где стыдливые приличия признаются обществом утратившими силу, в какой бы части света они ни действовали. Явив себя компании, девчонки намеренно неторопливо стягивали с себя платье. Сжав колени и скрестив внизу руки, они прихватывали его с двух сторон за подол и, выворачивая наизнанку, тянули вверх, оголяя до впалого живота то, что скрывалось под ним. Оказавшись в нем с головой и руками, они подтягивали его изнутри, пока не освобождали голову, которой тут же встряхивали, осяживая волосы. Затем, держа перед собой напаянное на руки платье, окончательно освобождались от него, позволяя ему упасть на траву.

Бросая укромные взгляды на их в высшей степени волнующее устройство, он чувствовал себя стаканом, который стремительно наполняется газировкой, переливаясь через край. Что

можно делать с Галкой, которая была на год его старше, кроме как целовать, он толком еще не знал.

Галка, чертовка, и вправду, была хороша. В отличие от застенчивой Тамары, которой не было еще пятнадцати, и чье тело пока не напиталось соками, Галка на ощупь (а проверить это она позволила сама, когда подойдя и обратившись к нему спиной, попросила отряхнуть с себя песок) представлялась ему вроде гладкого упругого листа алоэ, растущего у него на подоконнике. Казалось, продави ее ногтем, и живой, пахучий сок любопытной каплей проступит наружу! Иногда она принималась смотреть на него с иронической улыбкой, как смотрят на человека, имея в виду его мало кому известный конфуз, и вдруг прыскала в сторону, будто внутри у нее срабатывал клапан смешливого давления. Причины этой ее манеры он понять не мог.

Для разнообразия они усаживались вместе с мальчишками играть в карты, и в его наэлектризованное поле проникало вкрадчивое приглашение коснуться их припудренного песком тела. Следуя перипетиям игры, девчонки азартно изворачивались, их коленки порой распадались больше, чем следовало, на животах и над бедрами вспыхивали тонкие морщинки, на плечах шелушилась сгоревшая кожа. "Так нечестно!" - возмущались их надутые губки.

Таким вот образом, взбивая пенными брызгами бурю и приликая глянцевыми телами к горячему песку, перебивая друг друга и не обращая внимания на посторонних, неслись они по течению времени, пока волчий аппетит не разгонял их по домам, куда они, поблескивая бронзой и медью, брели в одних трусах, чтобы вечером вновь сойтись и проводить солнце на посадку. Не считая девчонок, их было семеро возрастом от тринадцати до семнадцати.

"Не торопись!" - просила бабушка, улыбаясь и наблюдая, как он поглощает обед.

Наступал вечер, и набухшее лиловое небо опускалось на землю, выдавливая из тенистых палисадников влажные, загустевшие ароматы. По одному приходили к Санькиному дому. Толковали о разном или сосредоточенно слушали "Би джиз". На лицах проступали солнечные поцелуи, а загар на руках цветом напоминал копченую колбасу. Когда проступали звезды, он рассказывал им про созвездия и космос, о котором много читал. Если на звезды долго глядеть, то кажется, что они плывут. Если смотреть всем вместе, кто-нибудь обязательно обнаружит там спутник, ткнет пальцем в небо и вскрикнет: "Вижу! Вон там! Смотрите, смотрите!..." И все станут пристраивать взгляд в направлении его пальца и горячиться: "Где, где? Не вижу... А, вижу!"

"Откуда ты все знаешь?" - спросила его однажды Галка, когда друзья разошлись, и они, прикрытые ветвями черемухи, оказались одни возле ее дома.

"Книжки надо читать!" - покровительственно изрек он, ощутив, как крупная дрожь, возникнув где-то в глубине живота, волной прошла по телу. Слабый звездный свет, исторгнутый миллионы лет назад - по существу реликтовый, мнимый, как записи "Би Джиз", что давно отделились от своих творцов - обрел после стольких лет пути последний приют на ее лице, оттаивая от космического холода в тепле ее кожи.

"Про это в книжках нет!" - загадочно произнесла она.

"Про что – про это?" - не понял он.

"Про это самое!" - улыбалась она в прозрачной темноте.

"Ну, про что?" - занервничал он.

"Про то, как моя мать целовалась с твоим отцом!"

"А ты откуда знаешь?" - растерялся он.

"Знаю, раз говорю!"

И не дожидаясь ответа, ткнулась губами в его губы и убежала.

Вернувшись к себе, он опустил на крыльцо и, растерянно улыбаясь, обратил лицо к звездам. Лохматый пес по кличке Верный возник перед ним живой частью темноты, взобрался

к нему и улегся рядом. Он положил руку на его спину и запустил пальцы в шерсть. Собачье тело под шерстью было теплое, как лужи после дождя.

4

Ах, этот день их первой встречи и та восхитительно румяная аллея под дряхлым взором осеннего солнца, где разжимая бессильные восковые пальцы падали на землю листья, и прощальное безмолвие их растерянных траекторий сплеталось в тонкую паутину грусти. Человек такого сорта, как он, про которого французы непременно сказали бы *"хорош во всем – негоден ни к чему"*, имея в виду его неустроенное семейное положение, готов плести ее из всего, что есть под рукой. Задумчивая мечтательность, дежурная спутница одиночества, поселила в нем с некоторых пор предчувствие долгожданного появления счастливого номера, который выкидывает иногда судьба, чтобы заполнить им пустые клетки нашего лотерейного бытия.

Все его романы заканчивались привычным удивлением одному и тому же прозаичному расчету, который его избранницы старательно скрывали иллюзией безгрешного прошлого. Поначалу он, очарованный зритель, попадал под обаяние их аудиовизуального монтажа, но довольно скоро цветная пленка лирических нежностей обрывалась, зажигался скудный свет отрезвления, и мерцающие грезы сменялись душноватым зальцем с потертыми креслами и потемневшим экраном, откуда ему хотелось поскорее сбежать. К счастью или сожалению, такое открытие не добавляло его доброй натуре цианистой мудрости, вселяя вместо нее надежду на удачу в следующей попытке.

Последняя его подруга, еще три года назад уличенная в вынашивании брачных планов, подходивших к ее тридцатидвухлетней сочной внешности, как розовое к голубому, ни за что не желала расставаться друзьями и, поддавшись отчаянию, вела себя то дерзко, то стыдно, то смеялась, то плакала, теряя достоинство и привлекательность. И хотя после четырех лет тесного знакомства житейская точка зрения находила ее кандидатуру на роль его жены наиболее подходящей - не было все же в его к ней чувствах огонька, искры, того божьего повеления, которому невозможно противиться и о чем он втайне не переставал мечтать. А между тем постель была ее стихией, и если он так долго не решался с ней порвать, то причиной тому была ее шаловливая, распалая, ненасытная техника.

Их затянувшееся расставание длилось полтора месяца. Он не отказывал ей во встречах и как мог, утешал. Говорил, что он ужасный человек и что она будет с ним несчастна, что не стоит терять с ним времени, и лучше, пока не поздно, найти другого, тем более, что с ее кукольным личиком, капризным ротиком и глазами невинной лазури сделать это будет проще простого. В подтверждение прижимал ее к сердцу и прикладывался губами к ее мокрым глазам, чем, разумеется, только питал ее астеническую надежду. И вот неделю назад она позволила и попросила о прощальной встрече. Он согласился. Пользуясь отсутствием матери, она увлекла его в спальную, после чего ушла от него довольная, с торжествующим блеском в глазах, пообещав больше не звонить никогда...

Сегодня выдался славный денек. Солнце с утра прожгло в одеяле облаков многочисленные дыры, серая ткань расплзлась, и ветер, растолкав ее остатки по дальним углам, сник. Стекло голубизна окон цвета рекламной воды украсила четырехкомнатную сталинскую квартиру с видом на Московский проспект. Он встретил открытие торгов чашкой кофе и купил немного "Райки", "Лучка" и "Сбера", с целью поиграть внутри дня, чтобы прочистить ноздри. Провозившись с ними до половины первого, он оставил бумаги на счете и заторопился на прогулку. Пронзительно голубой глубокий воздух из морских кладовых проник в него во дворе, коснулся чистых струн и наполнил тихим звуком неведомой радости. Скорым шагом он устремился в сторону парка.

Попав на проспект, он влился в шаркающий поток и вскоре нагнал поперечное препятствие в виде трех стрекочущих девчушек, по виду едва достигших переходного возраста. Сбавив шаг, он стал искать возможности обогнать досадный заслон, но тут до него донеслись слова, которые даже в мужском исполнении требовали понизить голос, предварительно оглянувшись по сторонам. Удерживаемый болезненным любопытством, он изменил намерение и остался позади, вслушиваясь в их по-детски нескладную грубую речь, пока до него не дошло, что одна из них живописует, в каких позах ей пришлось побывать прошлой ночью. Судя по искристому энтузиазму, в эти игры она начала играть не так давно, и их новизна ее пока забавляла. Подружки в ответ дергались, тоненько и возбужденно повизгивали, словно речь шла о бесплатном мороженом. Повиливая выпирающими задками, поигрывая узким мятыми спинкам, неухоженные, с неопрятными повадками, они семенили по Пулковскому меридиану, не замечая никого вокруг, хватая друг друга за руку и помечая интересные места круглым, как глаз совы кличем: "Да ты чо-о-о!.." Он так увлекся жанровой стороной сцены, что чуть не пропустил вход в парк. Спohватившись, остановился и некоторое время глядел им вслед, словно ожидая, что они, как дьявольский фантом вот-вот растают. Можно себе представить, какого сорта дружки лелеют их досуг! Что же из них выйдет, и кого они народят, когда придет время?!

Публичная исповедь покорила его и возбудила. Как он, оказывается, далек от сегоднешних нравов! Эти нынешние испорченные девочки, которые годятся ему в дочери, уже вытворяют такое, что далеко превосходит весь его богатый и целомудренный опыт! Доведись ему, не дай бог, оказаться в постели с одной из них, то не он совершит ее, а она его! Он представил, как бы это выглядело – невесомое худенькое тело с кукольным испорченным личиком цепляется за него обломанными ногтями, имитируя повадки взрослой женщины и испытывая на самом деле не удовольствие, а смешливое любопытство. Густой краснолицый стыд заполнил самые укромные уголки его существа. "Господи, куда мы катимся!" - подумал он, оглядывая мирных с виду граждан образца две тысячи седьмого года, что серой мошкаррой клубились перед куполом метро, которое всасывало их одной половиной рта и выплевывало другой.

Проникнув в парк, он огляделся. Белое, без единой кровинки солнце заливало аллеи, трогало черные скелеты деревьев, трепало по щекам румяные клены, обнажалось в голубом зеркале озер. Еще минута и грянет роковое свидание, и вколоченным одним махом гвоздем скрепит помост его благополучного прошлого с будущими испытаниями. Уже учтен закон случайных ошибок и рассчитана точка встречи, и пусть невыносимо хорош прохладный воздух, но судьбоносная встреча не ведает предвкушения, не помечена в календаре и, как всякий незапланированный ожог, способна поначалу причинить боль. Никто не знает, отчего приходит ее время. Может, супружеская чета света и тени (ибо, что такое тень, как не преданная супруга света) своей расчетливой игрой оживила в душе нечто глубокое, лазурное, негаснущее, полное покоя и благого обмана. Или пятнадцать его отвергнутых любовниц, замешав колдовство на запахах от Ив Роше и Рив Гош, сообща приговорили его к попытке безответной любовью. А может, виноват вчерашний дождь, что начертил на стекле расплывчатый маршрут их соединения. А может, это не так, и Повелитель всего, знавший за миллионы лет о его рождении, знал и все остальное, потому что так предназначено.

А вот и Она собственной персоной. "Как! Такая чуждая и не моя?!" - ошолбенел он, провожая ее растерянным взглядом. Крылатый небесный наводчик доложил наверх о попадании и, согласно последовавшим инструкциям, возложил расчет дальнейших траекторий на пронзенное сердце. Следуя отрешенным от всего прочего взглядом за ней (черной королевой) и ее спутницей (черной ладьей), он белым слоном совершил выпад к аллее, в которую они по желтому полю углубились, готовый, если они решат двигаться по краю доски, совершить обходной маневр и встретить их на одноцветном поле. Убедившись, что они повернули обратно, он быстро сообразил, где сможет попасть им на глаза, ретировался на другой край аллеи и, дождавшись их появления, двинулся навстречу. Не доходя до них метров пяти, он увидел, что

ладья как бы нечаянно уронила часть доспехов (перчатку) и не хочет этого замечать. Он возликовал и, подчиняясь рыцарскому кодексу, ринулся исполнять красноречивый приказ. Возвращая перчатку, он успел разглядеть романтический легкий шарфик, прячущий озябшие руки на груди у прекрасной незнакомки, ее скрученные на затылке в тугой узел волосы с благородным отблеском полированного каштана, крупные бриллиантовые сережки и пронзительно-светлые глаза на строгом, красивом лице, где затаилось царственное равнодушие.

Он дрогнул, онемел и упустил момент знакомства. Не пытаясь стронуться с места, он растерянно наблюдал, как дистанция между ними растягивается до того предела, за которым попытка присоединиться выглядела бы как навязчивая и неприличная. Наконец он заставил себя продолжить путь. Как трудно сохранять фланирующую независимость, желая всем сердцем обернуться! Он миновал памятник полководцу и тут же обернулся – они медленно удалялись в сторону СКК. На его прозрачное счастье их фигуры хорошо угадывались в немногочисленной массовке, а неторопливость позволяла предположить, что они повернут назад. Так оно и вышло. Прикрываясь бронзой и мрамором, он дождался подходящего момента, вышел из-за укрытия, поравнялся с ними и, свернув, как на параде голову, осторожно им улыбнулся. "Еще раз спасибо!" - помахала ему подруга-ладья, однако, черная королева даже не взглянула в его сторону.

"Нет, нет, она не той породы и не того достоинства, чтобы знакомиться с первым встречным!" – принялся он ее оправдывать. А кроме того, она обязательно должна быть замужем. Невозможно представить, чтобы она была не замужем! А если так, то о каких тут, позвольте спросить, видах можно говорить? Лишь один раз он имел связь с замужней женщиной, и с тех пор по горло сыт той нервной беспорядочной остротой ощущений, которые сопровождают заговор по имени супружеская измена. Возможно, кого-то это волнует, ему же только мешает. Вдобавок, ему не понравилось амплу совратителя, чья разрушительная роль, подмеченная им еще во времена раннего чтения "Мадам Бовари", никак ему не подходила. Ну, и как тут быть? И он сделал то, что не делал никогда – держась на приличном расстоянии и прячась за прохожими, проследовал за ними на проспект, где они перешли на другую сторону и заторопились в направлении центра. Не доходя до Кузнецовской, они остановились перед внушительной дверью, за которую, применив кодовый ключ, и проникли. Он прошел мимо обвешенного щегольскими табличками подъезда. Итак, в этом доме, судя по всему, она живет или работает. Он развернулся и отправился домой. Было без пятнадцати два.

Именно с этого часа главная тема симфонии его жизни, составленная до сего времени из вольных звуков бродячей свирели, набрала силу, вознеслась, захватила и больше уже не отпускала.

Раз уж речь тут зашла о музыке, то следует заметить, что был он самый что ни на есть ее стихийный потребитель. В свое время родители, глядя на приплясывающего, подпевающего мальчонку имели мысль отдать его в музыкальную школу, но посоветовавшись, мысль прогнали по причинам самым прозаическим – не хватало ни времени, ни терпения, а потом и вовсе стало поздно. Жалел ли он о том, став взрослым? Ничуть: музыка всегда была с ним. До поры он, как и все следовал общим вкусам – франкомания, италомания, дискомания, не считая державшихся особняком "Битлз", "Би Джиз", "Пинк Флойд" и прочих, каких только можно было в то время достать, включая доморощенный "Аквариум", в чьей не совсем чистой воде водились странные земноводные.

В шестнадцать лет, переболев общедоступным, он увлекся джазом, что говорило, скорее, о его склонности к замкнутости, чем об изысканном музыкальном вкусе. И хотя он везде полагался на чутье, сбить его с толку было вполне возможно. Слушал он так, будто подставлял разгоряченное лицо свежему ветру - не заботясь о его химическом составе, ни о происхождении – недостаток, но и великое преимущество всех неискушенных в нотной грамоте: тех, кто слушает музыку сердцем, а не ухом.

В восемьдесят девятом году он приобрел видеомэгнитофон и, задыхаясь от жадности, принялся поглощать все, что раньше от него скрывали, в том числе "Лихорадку субботнего вечера". Наконец-то звуковая дорожка фильма совпала с видеорядом, заполнив пробел в эстетическом чувстве и попутно взбудоражив порядочность. Оказывается, фильм вовсе не был похож на розовую лирическую комедию, как утверждала ранее музыка. Более того, на первом месте там находилась неприкрытая сексуальная озабоченность, чему вся романтическая мишура, в том числе и его обожаемые "Би Джиз" служили лишь прозрачной возбуждающей ширмой. А это уже пахло предательством!

Впрочем, в грохоте цепей, которые население страны в то время с удовольствием теряло в обмен на целый мир, обещанный им горячими головами, потонули и не такие откровения. Новые видеоинструкции быстро заполняли молодые мозги, откуда исчезали неокрепшие идеи, уступая место понятиям. С одной стороны Брюс Ли крушил направо и налево все, что находилось выше и ниже мужского пояса, с другой стороны Микки Рурк говорил и показывал, как манипулировать верхней и нижней половинами женского тела. В результате жизнь оказалась гораздо проще, чем о ней у нас принято было думать. Открылись недоступные ранее удовольствия, и лишь вопрос денег стоял между желаниями и их достижением. Деловой цинизм менял обстановку и мебель, а вместе с ними и отношения между полами.

Что поделаешь - если счастья нет на светлой стороне Луны, его идут искать на темную...

5

Питерская осень, чью вялость и слабование не удавалось растормошить даже кипучим заморским ветрам, окончательно смирилась, махнула на себя рукой, оделась в серое, поникла. Грустить и плакать стало ее любимым занятием, потому что осень в этих краях - это не та дородная южная дама, которая сдается с лазурным достоинством, а северная пасмурная немощь, что собрав воедино все мелкие атмосферные неприятности и поместив их между летом и зимой, как между зрелостью и старостью, пускает грустные корни в нашей душе. Таково здесь межсезонье - невнятная часть питерской жизни.

И все же: нет плохой погоды – есть плохое настроение. Именно оно с некоторых пор поселилось у Натальи Николаевны в том потайном сердечном месте, где на аптекарских весах достижений и досад составлялось ее душевное равновесие. Выходило, что судьба, как паршивая кошка, облюбовала чашу с неприятностями и навевалась туда гораздо чаще. В итоге разность подношений равнялась Наташиному незамужнему и бездетному положению, что в последнее время вызывало у нее плохое настроение и неважно влияло на стратегический ресурс, каким являлась ее внешность. Вдобавок ко всему, разность эта перебралась в ее неспокойные сны, где и совокуплялась по ночам с сочувственным шорохом дождя. Занятная ситуация, если принять во внимание, что в глазах других она выглядела красивой, рассудительной и успешной – словом, сама себе на уме.

В тот день осень вышла из комы и обнаружила, что над ней склонилось голубое в белых прожилках небо, а в углу хорохорится малокровное октябрьское солнце. Наскоро пообедав в офисе на Московском, Наташа в сопровождении еще одной жрицы Фемиды, которую она из лучших побуждений относил к своим подругам, отправилась через дорогу в парк Победы на прогулку.

Всякий поторопившийся на нее взглянуть не мог не признать, что ее восхитительный, неприступный облик был бесконечно далек от той продажной, растиражированной красоты, которую бессовестные коммерсанты, похитив с олимпийских вершин, приковали к галерам рекламы. Однако те счастливицы, кому удалось бы поймать ее взгляд, не нашли бы там ничего, кроме равнодушной, отрешенной строгости. Довольно уже неприятностей пришлось ей пере-

жить, чтобы с досадой назначить их причиной свою незаурядную внешность (или неумение ею пользоваться?), и не искать в ней самоупоения.

Они вошли в парк, умили шаг, и в глазах Наташи появился интерес. Оглядывая разоренные осенью места и теща душевную смуту жалкими остатками того зеленого пиршества, что царило здесь совсем недавно, она глубоко и протяжно вдыхала свежий, с заметным привкусом прелости воздух. Дойдя до прудов, они направились в сторону Кузнецовской, и тут подруга возбужденно встрепенулась:

- Ты видела? Нет, ты видела?
- Что? - не поняла Наташа.
- Ты видела, как он на тебя пялился?
- Кто – он? Зачем?
- Ясно зачем! Чуть голову не свернул!
- Ах, оставь! Ты же знаешь – я на улице не знакомлюсь!
- Ну да, ну да! Но ты знаешь, на вид - классный кобель, точно говорю. Ну, обернись,

Наташка, посмотри!

Наташа с внезапной злостью отмахнулась:

- Слушай, оставь, пожалуйста, свое глупое сватовство! Дай мне спокойно подышать!

Подруга, а точнее, компаньонка Наташи по офису, где, как известно, дружить следует до определенных пределов, была бойкой и бесцеремонной молодой особой приблизительно одного с ней возраста. Она, например, не моргнув глазом, могла пропеть клиенту: "Что же вы, мать вашу, сразу-то не сказали! Ведь у нас здесь, как у врача!", имея в виду, что адвокат – это тот же доктор для материальных интересов клиента, и что здесь, как и в случае с настоящим доктором не следует утаивать деликатные обстоятельства делового недомогания, которые часто могут оказаться роковыми. Грустила она редко, в остальное же время глаз у нее блеснул в поисках вульгарной словесной фигуры. Как и все замужние женщины, она имела зуд пытаться сделать такими же своих незамужних подруг.

В лучах низкого слепящего солнца они шли под руку, отбрасывая протяжные, резкие тени на желтую, поминальную ковровую дорожку. Безжизненные листья, чье разложение уже началось, откликались под их ногами влажным шорохом, как печальные, ненужные слова. Не доходя до Кузнецовской, они повернули назад, вышли на главную аллею и направились в другую от Московского проспекта сторону.

- О! Гляди! Снова он! - не сдержалась подруга.

- О, господи, Юлька, ну, перестань же! - взмолилась Наташа, даже не пытаясь выяснить, о ком идет речь.

- Смотри, смотри, опять пялится! А вот погоди, мы его сейчас проверим! - совсем обнаглела Юлька.

Навстречу им, заложив руки за спину, двигался относительно молодой, светловолосый, слегка грузноватый, но стати не потерявший мужчина, одного с ними, подкаблученными, роста, в черных брюках, опрятной обуви и кожаной куртке. Не доходя до него метров пять, Юлька как бы нечаянно уронила перчатку и, отвернув лицо, двинулась дальше. Мужчина ринулся к месту падения, подхватил перчатку и, догнав обернувшуюся хозяйку, с певучим низким рокотом обратился к ней, глядя при этом на Наташу:

- Вот, пожалуйста, это ваша...

- Ой, спасибо, а я и не заметила! Вот спасибо вам большое! - пропела в ответ подруга, но этого времени оказалось достаточно, чтобы Наташа разглядела мужчину.

Он не был красив. Слегка вытянутое лицо его с правильными чертами выглядело полноватым, что в сочетании с бледной тонкой кожей предполагало сидячий образ жизни. Высокий лоб, который залысины делали еще выше. Остатки волос зачесаны назад. Правильной формы голова и скромные уши. Рот не мал и не велик, а в самый раз, чтобы сделать улыбку прият-

ной. Ну и, конечно, глаза – внимательные, напряженные и... восхищенные. Было, кроме того, очевидно, что он старше нее, и что куртка на нем тонкой, явно не турецкой выделки. Ну и ладно, ей-то какое дело. И они разошлись, но недалеко от памятника встретились вновь. Он осторожно им улыбнулся, и они разминулись окончательно.

Вечером ее вызвал шеф, усадил на мягкий стул, зашел сзади, положил руки ей на плечи и, обдав накопленным за день, как лошадь после забега, запахом пота, склонился к ее уху:

- Наташка, я страшно соскучился...

- Давай не сегодня! - не оборачиваясь, ответила она.

- А когда?

- Я скажу.

Он отошел и сел за стол.

- Намечается поездка в Париж... - сообщил он сдержанно.

Она молча смотрела на него.

- Что-то ты мне сегодня не нравишься! - вздохнул он.

- Я и сама себе не нравлюсь! - скривилась Наташа.

Он внимательно посмотрел на нее и, не дожидаясь ее ухода, погрузился в бумаги.

"Поезжай сам в свой Париж, а мне пора личную жизнь устраивать! Хватит, попользовался!" - завершила про себя Наташа протокол их беседы, выходя из кабинета на свободу.

И вовсе не случайная встреча с женщиной, лицо которого мелькнуло и забылось, была причиной внезапного, стремительного выпада, от укола которого разом лопнул нарыв ее бесхозного бытия, и что-то горячее – пусть даже гной или кровь - растеклось по душе и принесло облегчение. Ну, конечно, не он, а сам факт существования подобных мужчин с внимательным, напряженным и восхищенным взглядом был тому причиной. Ведь как все на самом деле просто – нужно только найти такого мужчину и приручить!

6

Первый сексуальный опыт пришел к нему все в том же Кузнецке. Было ему тогда девятнадцать, он окончил второй курс финэка и, уступая просьбам деда и бабки, которые не видели его уже два года, приехал к ним на каникулы. Слившись с вагоном и постукивая колесами на стыках, он с "Женщиной в песках" на коленях представлял себе летние удовольствия, и чем ближе к конечному пункту, тем чаще кисть воображения рисовала ему Галку, какой он ее запомнил. Расставаясь два года назад, она грустно смотрела на него из-за мальчишеских спин.

Встретив друзей, он нашел их в добром здравии и до неузнаваемости повзрослевшими. Подходили степенно, крепко жали руку, говорили скупой, но с чувством и тут же лезли за сигаретами. Он привез с собой два блока "Мальборо" и угощал, не скупясь. Несмотря на долгое его отсутствие, громких новостей оказалось гораздо меньше, чем можно было ожидать: Ромка служил в пехоте, Санька на Северном флоте, а по возвращении собирался жениться на Галке. Еще двое уйдут в армию осенью, а до того должны напоследок погулять. А потому, идем в магазин за портвейном, а после - на речку! Согласен? Еще бы! Для того и приехал! Как же я рад всех вас, чертей, видеть! Нет, я и вправду соскучился! А помните, как мы у заречных выиграли два ноль?

Галку он увидел вечером. Она незаметно вышла из-за смеющихся лиц и встала у него перед глазами: "Здравствуй, Дима! С приездом!"

О, да! Он приехал не зря, он это сразу понял. Перед ним, отведя плечи назад, как мужчины отводят их вперед, чтобы уравновесить тяжесть рюкзака, стояла, распирая грудью квадратный вырез платья, статная девушка, чьи нынешние прелести лишь отдаленно напоминали ту молоденькую пальму, которую он помнил. Глаза подведены, губы слегка накрашены, легкий

загар на свежем лице, шее, открытых плечах и руках. Он смутился, а она подалась вперед и поцеловала его в щеку.

В тот вечер он допоздна сидел на крыльце, запустив пальцы в постаревшую собачью шерсть и глядя на возбужденные звезды. Спал плохо, беспокойно ворочался и сбрасывал во сне одеяло. Томился, словом.

С их компанией Галка, как прежде, уже не водилась – никаких речек, ни скамеечек по вечерам. Днем она работала, вечером оставалась дома. Видя ее, возвращавшуюся с работы, он издали махал ей рукой. Она махала в ответ и уходила в дом. Однажды она остановилась и рукой дала знать, чтобы он приблизился.

"Почему не заходишь в гости? - улыбаясь, спросила она, когда он подбежал и встал напротив. - Ну, пойдем!"

И взяв его за руку, повела за собой.

Никогда раньше он не был у нее дома. Ступив на крыльцо, размерами, перилами и темно-коричневым цветом похожее на дедово, он вслед за ней проследовал сквозь зеленоватое пространство веранды. Она открыла дверь в дом, пропустила его вперед и объявила из-за его спины:

"Мама, смотри, кого я привела!"

На зов вышла ее мать - в меру полная женщина, с открытым милым лицом и гладко зачесанными назад волосами. В прошлые свои приезды он, всякий раз встречая ее на улице, здоровался, а она, пристально глядя на него, улыбалась в ответ и говорила: "Здравствуй, Димочка!"

Она сразу узнала его:

"Господи, вырос-то как! Настоящий жених!"

Они сошлись, и она его поцеловала.

"Совсем на отца не похож!" - то ли пожалела, то ли похвалила она.

Его усадили пить чай, осыпали вопросами, и он остроумно и непринужденно поведал о веселой суматохе городской жизни и о своих взглядах на настоящее, прошедшее и будущее. Провожая, мать поцеловала его и теперь уже решительно пожалела:

"Нет, совсем на отца не похож!"

"Заходи к нам почаще!" - провожая, напутствовала его Галка, откидывая за плечи длинные русые волосы.

Через день она позвала его в кино. Они пошли на последний девятичасовой сеанс, и в темноте зала она взяла его руку и уложила вместе со своей на разделявший их подлокотник. Рука ее была мягкой и нежной, как божественное тесто. Он сидел, смущенный и потный, тесно прижавшись к ее голому, круглому плечу. Домой они вернулись в сумерках. Он проводил ее до калитки, и там она предложила на десерт зайти к ней: ее мать, видите ли, сегодня в ночь. Он согласился и понес в дом свое объятное лихорадкой субботнего вечера сердце.

Она усадила его на диван, включила телевизор, жить которому оставалось от силы час, а сама пошла в другую комнату, где переделась в похожий на ночную рубашку сарафан. Вернувшись и подобрав и без того короткий подол, она уселась рядом. Чувствуя, как набирает силу мелкая дрожь, он косился на мятые ромашки, что отчаянным ворохом прикрывали ее заповедные места. Она подвинулась совсем близко, прижалась к нему цветастым бедром и, взяв его холодную руку, положила себе на голое колено. Повернув к ней побледневшее лицо, он увидел ее глаза с неразрывимой искрой экрана на самом дне и призыв распутившихся губ. Неловко изогнувшись и плохо соображая, он прижался к ним. Она одной рукой обхватила его затылок, другую завела ему за спину. Он сделал то же самое, и принялся поедать ее, полагая, что чем крепче, тем лучше. Она сначала отвечала, затем отодвинулась и, с улыбкой глядя на него, полуутвердительно спросила:

"Ты раньше не целовался?"

"Целовался!" - покраснел он.

"Смотри, как надо..."

Сжав его голову теплыми мягкими ладонями, она нежно прикоснулась к его губам и принялась играть с ними, прихватывая, покусывая и посасывая, после чего покрыла его лицо мелкими поцелуями.

"Вот как надо!" - ласково улыбнулась она, медленно откинулась на спинку дивана и закрыла глаза, приглашая его показать, как он усвоил урок.

Подвернув для удобства ногу, он старательно воспроизвел все, что запомнил, добавив кое-что от сердца. Она сходила в другую комнату, принесла подушку, бросила на диван и легла. Он лег рядом, и ему стало свободно и жарко. Он зацеловал ей лицо, добрался до ее губ и с сердцем в горле неловко навалился на нее. Его крейсерское плавание началось.

Предпринимая все меры, чтобы не дать повода для слухов, они встречались регулярно, и к концу своего пребывания он превратился в опытного и пылкого любовника. Перед отъездом он дал ей слово, что женится на ней, как только окончит институт. Решено было, что он будет приезжать сюда на каникулы, так же, как она к нему в Ленинград, не говоря уже о тех письмах, которые они собирались писать друг другу каждый день.

Сначала он и вправду писал, а она отвечала, но письма его становились все сдержаннее и реже, пока не иссякли совсем. На следующий год он не поехал в Кузнецк, а осенью она вышла замуж за Саньку. Через десять лет он приехал сюда с отцом на похороны деда. На поминках, улучив момент, он сказал ей, слегка пополневшей, но по-прежнему соблазнительной:

"Прости, Галка, я страшно перед тобой виноват..."

Она ничего не ответила и вскоре с поминок ушла, оставив их с Санькой одних. С тех пор они не виделись.

7

Прежнюю свою жизнь Наташа поделила между тремя мужчинами. Только их пустила она в свою постель, дважды после этого раскаиваясь и удивляясь - как ее, не по годам проникательную, угораздило с ними связаться!

В девяностом году, после школы она приехала в Ленинград и сходу поступила в университет на юрфак, имея наивное желание разобраться в той весенней отечественной картине, когда благие порывы, громоздясь, словно льдины при ледоходе, оборачиваются затором, наводнением и очередной исторической клизмой. Как она приживалась здесь – особый разговор. Всякий провинциал, прибывающий жить в этот город, рано или поздно вынужден свести знакомство с матерью бронхита - унылой влажностью, которая вместе со спертым дыханием недр наполняет его улицы, стирая громады домов и укрощая фонари. Ей пришлось смириться и даже полюбить те часы - нет, дни! - когда город похож на захудалую прачечную, где капает с потолка и течет по стенам. Увлеченная расхожими поэтическими представлениями, она, в конце концов, нашла в болотной испарине этого северного ската квазирациональный контекст, который, как и все непознаваемое в русской истории также верно вырастал из непогрешимого и абсурдного единства государственных интересов с гражданским самоотречением, как язва желудка и свободные нравы из святого служения искусству и жизни на колесах. Так мирятся с недостатками любимых супругов, так люди верующие в добро ищут его в злодеях. Иначе бы она открыла, что только болезненно впечатлительный человек может находить достоинства в тех архитектурных недоразумениях, что возведенные второпях для извлечения дохода, волнами разошлись от Зимнего дворца, камнем брошенного в гигантское болото.

Она быстро сошлась с однокурсницами, вернее, они сами потянулись к ней по силовым линиям ее доброго покровительства. Именно здесь, в Питере в полной мере оценили хрестоматийное обаяние ее имени и фамилии. Как известно, в стране в это время всюду шел процесс, на котором Наташа и ее друзья, как и все советские люди, проходили свидетелями. Не стоит,

однако, переоценивать ее озабоченность судьбой страны. Возможно, будь она в то время в другой, менее экзальтированной среде, она на многое не обращала бы внимания, мимо многого прошла бы стороной. Огромные кипучие пространства родины и температура отдельных ее частей сосредоточились для нее в немногочисленных объектах города, которые удостаивались ее внимания. Сюда входили факультет, общежитие, Публичка, магазины, а также прогулки по городу и места культурных мероприятий.

Из годов, проведенных ею в музыкальной школе, сколотился прочный помост, с которого она теперь могла тянуться к филармоническим плодам живых концертов. Кроме того, ее заморозил театр, куда она, имея стипендию и деньги от родителей, ходила довольно часто и исключительно в сопровождении подруг. Несмотря на то, что границы ее личной свободы раздвинулись, а разрушение моральных устоев советского общества дикими орхидеями набирало силу, ей хватало благоразумия держаться от противоположного пола на безопасном расстоянии, так что после двух лет совместного обучения сокурсникам оставалось только гадать, кому достанется этот прекрасный уральский самоцвет.

Когда в конце августа девяносто первого она вернулась в Питер, там только и разговоров было, что о недавних событиях. Все питерцы юрфака, бывшие на тот момент в городе, самобилизовались и приняли посильное участие в демонстрациях и теперь, сверкая победными взорами, делились живописными подробностями того, как они отстаивали демократию. Больше всех лавров в их группе собрал Мишка Равиксон, которого кто-то из команды мэра якобы использовал чуть ли не с секретной миссией. Кому он послужил и чем, Мишка, естественно, не распространялся, но взирать на себя заставил с уважением. В том числе и Наташу. Вот ему-то она, в конце концов, и досталась.

Это был высокий и гибкий красавец-еврей с тонким лицом, прямым изящным носом, ироническим, без всяких там зубов навыкате ртом, ровной и чистой кожей, черными кудрями и влажными искрометными глазами, отчего в сборном виде он сильно смахивал на карточного валета. Речь имел свободную и убедительную, голосом владел, как пожарным краном, учился достойно. Рядом пусть и со способными, но неотесанными сверстниками он выглядел, как наследный принц ближневосточного шейха. С однокурсниками он, однако, держался с дружелюбным и сочувственным участием. Но присмотревшись к нему внимательнее обнаружил бы в его глазах лелеемую искру тайного превосходства, которой он, как фирменным знаком, ставил точку в неизменно удачных для себя спорах. Никто не сомневался, что его, как юриста ждет завидная и славная участь. К тому же, так угадать с услугой в пользу нынешней власти...

Вскоре Наташа поймала себя на том, что ей приятно за ним наблюдать. На лекциях она стала искать место, откуда делать это было удобнее. Как-то раз она увлеклась и не успела отвести глаза. Он перехватил ее взгляд и улыбнулся, после чего принялся за ней аккуратно и ненавязчиво ухаживать. Его все чаще видели рядом с ней на лекциях. Дело дошло до того, что он повадился провожать ее после занятий до общежития, а потом, потеснив подруг, взялся сопровождать в ее прогулках по городу.

Не имея в ту пору никаких предубеждений против его народа, а стало быть, и его самого, Наташа относилась к его ухаживаниям настороженно. Его внимание льстило ей, волновало и пугало. Нет, нет, в себе она была уверена! Попытайся он скользким намеком или дерзким жестом нарушить границы пристойности, и она мигом вернула бы его на то место, откуда он ей улыбнулся. Ничего не поделаешь - ведь она была всего лишь красивой провинциалкой, которой рано или поздно следовало побеспокоиться о замужестве с кем-то из местных. Очевидно, что затевать серьезные отношения раньше времени - значит, дать им разогнаться до неудержимого состояния, отчего в самый разгар учебы можно захватить не туда. С другой стороны, откладывать их на последний момент - значит, хвататься второпях за первого попавшегося. Женщина должна быть расчетливой. Такова честная правда всякого существа, поставленного в неравные условия с более сильным. Только ведь все решения в нашем плоском биполярном

мире сводятся в конечном счете к выбору меньшего из двух зол, и выбираем мы чаще всего все-таки большее зло.

После недолгих колебаний она остановила свой выбор на Мишке и взяла курс на осторожное с ним сближение, строго следя за тем, чтобы не запятнать себя тонким повизгивающим смешком, каким неуверенные в себе девицы встречают всякое слово их самодовольных кавалеров. В такой многозначительной тональности завершился третий курс и начался четвертый.

Тем временем страна, жившая своей жизнью, преподавала будущим правоведам очередной урок правового нигилизма: в Москве люди, лишённые любви и страсти, с помощью танков делили власть, а поделив, отдали побежденных на препараторский стол Фемиды. Что ж, власть в нашей новейшей истории – такой же коммерческий проект, как прочие, а история России – это история власти и станет историей общества только тогда, когда общество станет властью. Пока же у подслеповатого правосудия не весы, а карманы, и от того, кто и что в них подбросит, зависит его полновесный вердикт...

Когда после зимних каникул она вернулась из Первоуральска, Мишка в первую же их встречу объявил, что хочет познакомить ее с родителями.

"Очень приятно вас видеть! Миша много о вас рассказывал!" - встретила ее мать Михали, статной, жгучей, надменной красоты женщина, едва они проникли в квартиру на третьем этаже большого дома на Фонтанке с видом на закат. Наташа смутилась и, утопив ноги в тапочках, двинулась в сопровождении матери и сына в глубину коридора, где к ним присоединился отец семейства – невысокий, крепкий, румяный человек с прицельным смеющимся взглядом. Все вместе они расселись в гостиной за большим старинным столом и принялись знакомиться.

"Конечно, Миша о вас много рассказывал, даже можно сказать – все уши прожужжал, но я и не предполагала, что вы такая милочка!" - просто и сердечно выразилась мама, Раиса Моисеевна.

"Да что там милочка – настоящая красавица!" - добродушно прогудел папа Леонид Львович.

"Папа, мама... - встал слегка побледневший Михаил, - я пригласил Наташу, чтобы при вас сказать ей, что я безумно ее люблю и прошу стать моей женой!"

"Я так и знала, я так и знала..." - сказала мама и приложила к глазам платочек.

"Но это же замечательно! Молодец, сынок!" - прогудел довольный папа.

Наташа, пораженная громом его слов, сидела не шелохнувшись и широко открыв глаза. Все-таки, предложение гроыхнуло на годик раньше, чем следовало.

"Что скажешь, Наташенька?" - умоляюще обратился к ней Михаил.

"Я согласна... Но что скажет мой папа?" - потупилась Наташа.

"С вашим папой я поговорю сам, после того, как мой сын официально попросит у него вашей руки!" - с мрачной торжественностью объявил папа, что напротив.

"Дайте, я вас поцелую, Наташенька!" - сказала, вставая, мама.

"И я! Как-никак, помолвка!" - вскочил папа.

Они поцеловали будущую невестку, потом сына, затем поцеловались сами. После этого Михаил подошел к Наташе и поцеловал ей руку.

"Это еще не все! - объявил он, залез во внутренний карман, достал небольшую кубическую коробочку и открыл: - Это тебе, Наташенька, в знак моей любви!"

И достав из коробочки колечко, верхом на котором восседал небольшой самоуверенный камешек, надел его на безымянный пальчик совсем растерявшейся Наташи.

"Я так и знала!" - прослезилась мама, еще раз поцеловала Наташу и пошла на кухню готовить чай.

За чаем было много разговоров, в том числе было сказано следующее:

"Я всегда была против, чтобы Миша женился на русской, но глядя на вас, Наташенька, нисколько не жалею! Знаете, еврейская порода в этой стране выродилась! И это даже хорошо, что наша кровь смешается с вашей!" - так сказала мама.

"У вас прекрасные еврейские волосы, Наташенька, а это главное! В остальном мы сделаем из вас настоящую еврейку!" - это, конечно, сказал папа.

"Не слушай ты их! Они просто помешаны на чистоте крови!" - это сказал сын.

Кроме того наметили свадьбу на июль этого же года.

"Жить будете у нас!" - сказал в заключение папа.

При расставании ее снова расцеловали. Теперь уже и Михаил. Она не сопротивлялась: в конце концов, поцелуй за предложение жениться – это не кровать.

Ее родители спорить не стали. Только папа сказал:

"Знаешь, Наташка, я не люблю евреев, но случись погромы – я первый буду их прятать".

Оставалось прояснить самый главный вопрос, касающийся ее поведения в постели в первую брачную ночь. Имея о соитии отдаленное и заузное представление, она, приехав в конце июня домой, обратилась за инструкциями к разбитной Катке.

"Э-э, Наташка! Наше дело - раздвинуть ноги и не дергаться! - снисходительно пояснила милая ее сердцу Катка, давно забывшая, когда, где и как потеряла невинность. - Да ты не волнуйся, девка! Сама поймешь, что к чему! Только имей в виду - в первый раз будет больно и будет кровь..."

Родители, кажется, понравились друг другу, жених был неотразим, такой невесты здесь еще не видели, и прогремела грандиозная еврейская свадьба, после которой некий Мишкин родственник отвез молодых в укромную квартиру, где и оставил одних.

8

Пожелав спокойной ночи и многозначительно улыбнувшись, родственник удалился, и то, к чему Наташа с нарастающим замиранием весь вечер готовилась, предстало перед ней во всей своей восклицательной неизбежности. Ею неожиданно овладел тягучий, сладкий страх.

"Хочешь чаю?" - заботливо обратилась она к мужу.

"Потом, потом!" - просипел Мишка и, не имея терпения, тут же обхватил ее жаркими руками, завладел губами и проник в нее винным дыханием. Он собрался было подхватить ее и нести в спальную, как того требовал красивый мещанский обычай, но она воспротивилась и пожелала сначала посетить ванную. Прихватив халат и укрывшись там, она долго разглядывала себя в тусклом зеркале. Зеркала, как люди: бывают жалостливые, бывают бессердечные. Этому же было на все наплевать.

Подрагивая от волнения (но не от желания, что подтвердят дальнейшие события), Наташа привела себя в порядок, накинула поверх новой шелковой сорочки халат и прошла со свадебным платьем в спальную, где в кровати уже маялся Мишка. Под прицелом его жадных глаз она расправила на кресле платье, отделилась от белой ночи занавесом неплотных штор, прошла к своей половине кровати и села спиной к мужу. Помедлив, собралась с духом, освободилась от халата, затем, скрючившись, скинула сорочку и, сверкнув стремительной наготой, юркнула в постель к своему первому голому мужчине. Так на Руси испокон веку учат плавать: бросают под одеяло, и плыви, как знаешь...

В отличие от нее Мишка кое-что уже познал. Откинув вместе одеялом неуместную более деликатность, он уверенно и нервно бросил тонкие пальцы на клавиатуру ее тела и приступил к прелюдии. С первым же аккордом у нее перехватило дыхание. Неужели ему не стыдно?! Неужели так надо?! И что - отец с матерью делают и чувствуют то же самое?! Сжав ноги, зажмурив глаза, отвернув пылающее лицо и совершенно не представляя, как себя вести, она испытывала малоторжественное смятение: самый важный из всех инстинктов отказывался ей помочь!

Мысли ее путались, бесстыжие, небывалые ощущения следовали одно за другим, требуя у ее безволия освободиться из цепких Мишкиных рук и укрыться в ванной.

Почувствовав на себе тяжелую, горячую Мишкину дрожь, она вместо того чтобы раскрыться, стиснула зубы и напряглась, готовясь, как учила ее Катька, не к удовольствию, а к боли. Впервые придавленная мужским голым телом, она застыла с опечатанным ртом и бьющимся сердцем, испытывая отчаянный, душный стыд. Внезапная, преувеличенная ожиданием боль обдала пах, отчего она жалобно вскрикнула и дернулась. Задохнувшись от боли и плохо соображая, она выгнула спину и, вильнув бедрами, исторгла из себя нахального гостя. Потеряв сладкую цель, Мишка вдруг смешно замычал, задержался, потом обмяк и затих, уткнувшись лицом в подушку. Было тяжело, но она терпела, понимая, что произошло что-то неловкое и досадное.

Все дальнейшие Мишкины попытки успеха в эту ночь не имели – мешали спазмы и боль. Она была смущена и расстроена, он же в перерывах между бесплодными попытками нежно и заботливо утешал ее, пока она не заснула в его объятиях. На том их первая брачная ночь и закончилась. Разочарование – вот ее итог. Все вышло совсем не так, как ей представлялось. Она ждала торжественного, небывалого откровения, посвящения в таинственный мир запретного, а вместо этого кровь, боль, стыд, неловкость и бледная немощь за окном.

Утро они провели в осторожных попытках преодолеть возникшее препятствие, следя за тем, чтобы рвением не перебить охоту, и это им, в конце концов, удалось. Остатки боли в виде ее страдальчески прикушенной губы только способствовали Мишкиному удовольствию...

Таким вот малоромантичным образом жизнь ее прорвала тонкую запруду невинности и устремилась в новое, неизведанное русло. Потеряв вместе с девственностью певучую фамилию, она превратилась в Равиксон, что перед оформлением заграндокументов повлекло за собой смену паспорта. Париж отложили на осень, а пока уехали на дачу в Комарово, где заполняли антракты между постельными сценами уходом за гнездышком, походами в магазины и на залив. В выходные дни они менялись с родителями на городскую квартиру, где продолжали наслаждаться вкусом новобрачного меда. Дорвавшись до сладкого, чем она несомненно и безусловно являлась, Мишка помогался ее страстно, жадно и неутомимо, и ей, чтобы оттянуть очередную дегустацию, часто приходилось прибегать к отговоркам и невинным хитростям. Помимо регулярного недосыпания, бледности и прыщиков здесь примешалось еще одно обстоятельство, которое если не беспокоило ее, то насторожило.

В том памятном разговоре с Катькой накануне свадьбы, когда она среди прочего пыталась выяснить, чего ей следует ждать от неведомого соединения мужского и женского начал, Катька в ответ закатила глаза: "М-м-м, это не описать! Оргазм называется. Сама все узнаешь, когда кричать начнешь..." Кричать ей, однако, не пришлось, и даже стонать не получалось. Ощущения, которые она переживала, походили на истому жаркого полдня, на теплый песок и дрему под пляжную разноголосицу, на убаюкивающий шорох волны, словом, на все то многочисленное и приятное, что существует вокруг нас, но не стоит того, чтобы придавать ему особое значение. Порой к этой благодати подбиралось что-то грозное и мутное, но гремело где-то вдалеке, так и не накрывая ее. В очередной раз неудовлетворенная, она отделялась, тихо радовалась, что все кончилось и, прильнув к нему, горячему, влажному и пустому, легкими ладонями сглаживала изъян их неравного партнерства.

Ей нравилось его тело – чистое, гладкое, слегка смуглое и что особенно важно, почти непотливое. Он, не скрываясь, мог встать с кровати и разгуливать по комнате нагишом. Она украдкой на него засматривалась, минуя взглядом неприличные подробности, потому что невозможно воспитанной девушке вместе с невинностью в одночасье потерять стыдливость. Сама она продолжала дорожить наготой, и как только необходимость в ней отпадала, тут же натягивала на себя одеяло.

Пытаясь избавить ее от стеснительности, он прибег к сеансам эротического видео, склоняя ее затем к воспроизведению увиденного. Однако новые позы и приемы (разумеется, те, что она находила приличными) дела не меняли, но польза от просмотров все же была, хотя бы в части звукоизвлечения, имитирующего кайф. В первый раз, когда она это сделала, он даже растрогался:

"Ну, слава богу! А я уж думал, что я плохой муж!"

Как-то ночью ей приснилось, что она замороженно наблюдает со стороны за их упражнениями. Подбрасываемая скакуном, она колыхается в седле, и движения ее, начинаясь в бедрах, через живот, грудь и шею волной достигают головы и складываются в змеиный полет. Вдруг что-то горячее и бурное взорвалось внутри нее, заставив проснуться. Она распахнула глаза, приходя в себя и побуждаемая единственной заботой – разбудить спящего мужа, чтобы оседлать и догнать остывающее желание. Но не разбудила и не оседлала, а взяла себя в руки, успокоилась и заснула.

Постепенно ей становилось ясно, что по каким-то причинам, выяснение которых она отложила на осень, из них двоих наслаждается пока он один. Следовало посоветоваться со знающими людьми, полистать энциклопедию, а пока набраться терпения и надеяться на лучшее...

9

В добавление к постели, как основному блюду были еще закуски – то самое ассорти милых пустяков, которое подается новобрачным в перерывах между горячим. Пустяков, возможно, даже более важных, чем постель, потому что из них, собранных воедино и расплавленных пышущим жаром постели, отливаются и при остывании получают те самые слоники, что идут потом по семейному комоду к миражам призрачного счастья.

Например, завтрак в кровать, который он, если просыпался раньше, нес ей с грацией заправского официанта, получая за это чаевые в виде поцелуя. Она в свою очередь загадывала проснуться раньше, и если удавалось – спешила на кухню. На участке были грядки зелени и клубники, и она успевала посетить их, перед тем, как его разбудить. Все ее жесты, выражения лица, значения слов, действия, цели были теперь подчинены новому смыслу, вытекающему из заботы о случайном человеке, с которым, как она полагала, жизнь свела ее навсегда.

Он любил наблюдать, как она готовит, убирает, читает, дремлет, мечтает. Подглядывал за ее утренним туалетом и подготовкой ко сну. Перебирал ее скляночки, тюбики и прочие колдовские штучки, умиляясь при этом и не забывая припадать к ее обнаженным рукам и плечам. Когда она садилась, он располагался у нее в ногах и клал голову ей на колени. Он не забывал напоминать ей о времени приема противозачаточных таблеток, которые она, посоветовавшись с матерью, а та, в свою очередь с кем-то еще, начала принимать за неделю до свадьбы. Находя ее, одинокую, в раздумьях, он заходил сзади и обнимал, прикладываясь к ее голове щекой и бормоча: "Натали, ты моя, Натали...". Прижимая ее к себе, он искренне ужасался, что мог не встретить ее никогда. Она же находила эту мысль скорее философской, чем роковой.

В жаркую погоду они ходили на залив. На пляже он находил место подальше от остальных, словно не желая, чтобы чужие взгляды касались того обнаженного, что принадлежало теперь только ему. Зайдя с ней в воду по плечи, он заключал ее в объятия и, становясь похожим на видеогероя из хлорированного бассейна, пытался приспустить подводную часть ее купальника. И только ее решительное нежелание служить помпой для грязной воды останавливало его.

Возвратившись, они принимали душ. Затем она готовила обед, а он путался под ногами. Она притворно сердилась и, входя в роль строгой еврейской жены, пыталась прогнать его со своей территории. Затем был неспешный обед и отдых. Они ложились в постель, и Мишка, дав ей подремать, подвергал ее ласковым пыткам. Ему это не просто нравилось – он этим жил. Во

всяком случае, тем летом. И так на его месте поступал бы каждый, чью постель на законных основаниях разделила стыдливая, очаровательная нимфа. Вечером на гарниз были звезды и твердая уверенность, что оргазм совсем рядом. А иначе как терпеть это однообразное, утомительное и бессмысленное занятие, в которое превращается неполноценный секс! Она не баловала мужа разнообразием поз и, довольствуясь миссионерской участью, с большой неохотой взбиралась на него, когда он ее к этому принуждал. Нежась под опахалом ее вялого усердия, Мишка созерцал ее покорную фарфоровую наготу и словно не веря, что эти хрупкие сокровища принадлежит ему, смаковал и оглаживал все, до чего могли дотянуться его горячие руки. "Не торопись!" - просил он, но роль голой наложницы ей быстро надоедала, и она энергично и безжалостно доводила его до белого каления. Каждая их попытка была для нее, как запечатанный лотерейный билет, и каждый билет оказывался, увы, проигрышным.

Наступила осень, а с ней пора учебы. За лето она под действием Мишкиных гормонов выгодно изменилась, превратившись в цветущую молодую женщину, глядя на которую хотелось плакать и завистницам, и обожателям. Отдавая должное ее законному женскому опыту, подруги-девственницы спрашивали: "Ну, как у вас с этим делом?" "Прекрасно!" - отвечала она, лучезарно улыбаясь и твердо зная одно: удел женщины – доставлять мужчине удовольствие. Даже ценой собственного унижения.

Они заняли самую дальнюю комнату квартиры на Фонтанке, где звуковое сопровождение их однобокой страсти гасло в антиквариате, которым было набито их гнездышко. Ее обаяние, приветливость и рассудительное благоразумие выступили ходатаями перед Мишкиной матерью и обеспечили ей благожелательное отношение. Про отца его и говорить нечего – не чая в ней души, он носил с собой их свадебную фотографию, с удовольствием демонстрируя ее при случае и коллекционируя искреннее восхищение молодоженами.

В середине сентября она посетила женскую консультацию. Пожилая обстоятельная докторша осмотрела ее и отклонений не обнаружила.

"Все у тебя, деточка, нормально. Что касается твоих жалоб, то, во-первых, поменяем тебе таблетки, не знаю, кто тебе их прописал. Во-вторых, мужу своему скажи, чтобы не только о себе думал. В-третьих, не надо на этом заикливаться и сама будь поактивнее. В общем, дерзай, деточка, и через месяц покажись!"

Легко сказать - дерзай! Она и рада бы, но как? Смешно сказать, но обратиться за наставлениями ей было не к кому. И дело даже не в том, что рядом не было искушенных подруг, а в том, что просить их об этом - значит, признаться в стыдной неполноценности. Стало быть, полагаться приходилось только на инстинкт и вдохновение. Однако несмотря на все последующие старания, ей так и не удалось добиться желаемого, отчего она постепенно сникла и впала в пассивное состояние. Про себя она решила, что во всем виноват Мишка: его самозабвенному упоению, видите ли, не хватало огня, чтобы запалить фитиль ее страсти. О том, что с ней происходит на самом деле, она благоразумно умалчивала и к врачу, как было условлено, не пошла - статья в энциклопедии ее изрядно охладила.

Ничто, однако, не помешало им отправиться в середине октября на десять дней в Париж. Впервые оказавшись там, как, впрочем, и за границей, она пережила восторг совпадения идеального с реальным. Именно таким она представляла себе Париж – город-мечту, город-любовь, город-аромат. Город-узор, сотканный вкусами и временем на холсте прибрежных холмов, город-лавочник, сделавший возвышенный порок своим самым ходким товаром, город-женщина, питающийся любопытством и обожанием, уставший от них и продолжающий их требовать. Ожившие достопримечательности, восставшие из книг романтические имена и названия, снисходительные французы и француженки, открывающие рот, чтобы через трубочку губ выпустить певучую стайку круглых цветных птиц. Ощущение театральности, яркого представления, что разыгрывается круглый день, не покидало ее. Чтобы не утонуть в новизне восприятия, глаз ищет подобие, знакомые черты и находит их. Мишка здесь был похож на француза,

она - на жену француза. На нее таращились, и это ей льстило. Париж разбудил в ней чувственность. Ей показалось, что здесь она могла бы испытать оргазм, и однажды ночью у нее чуть было не получилось. Во всяком случае, грохотало где-то совсем рядом со скрипучей кроватью.

10

Вольно же ей загружать чужую память всплывающим окном своего изображения! Его невозможно удалить, ни задвинуть на задний план. Его опасно открывать – разрушительный любовный вирус грозит покалечить материнскую плату незадачливого пользователя. Единственный способ уберечься – отыскать хозяйку вируса и просить о пощаде.

Он провел утро в радостных раздумьях. Всё вокруг и внутри него пришло в движение. В нем легко и обильно возникали наброски чувств, каких ему давно не доводилось переживать. Хорошо знакомое охотничье нетерпение овладело им. Он принял решение, набросал план и кинул его, словно якорь на два часа вперед, в мнимые воды будущего, после чего принялся подтягивать туда свою лодку, перебирая минуты, как увесистые звенья якорной цепи.

К часу дня он был готов - одет, побрит, едва надушен. В сравнении со вчерашним днем погода отбросила сухую сдержанность. Наверху было пасмурно и тесно. Можно было предполагать дождь, который смысл бы надежду на ЕЕ появление, но пока что их обратная зависимость складывалась в его пользу. Он даже возвел глаза к небу: "После встречи – хоть потоп!" Войдя в парк, он попал на дорожку из серого песка и двинулся вдоль растительной недвижности, понуро внимавшей утешениям остывающей земли. Стайка детей, общавшихся между собой во всю пронзительную силу своих маленьких легких, обогнала его. Закинув руки за спину и окрасив ожидание волнением, он направился на главную аллею.

Хронология жизни, как веревочная лестница парусного корабля: чем выше перекладина, тем ближе небо. Будем надеяться, что до неба ему все же дальше, чем до верхней палубы, с которой ему в свое время открылся выпускной вузовский простор. Много ли помнит он из тех далеких сосредоточенных лет, и следует ли вскрывать капсулу памяти с событиями, что выплеснулись из жерла истории, растеклись по ее склонам и стали застывшей лавой фактов? Так ли уж необходимо ворошить грязное белье, если можно принять обряд очищения и облачиться в чистое?

...В начале девяностого он расстался с финэком и очутился на машиностроительном заводе, преследуемый с одной стороны призраком советских нарукавников, а с другой - неким устойчивым сквозняком перемен, который совсем скоро станет гулким бездомным ветром и пойдет гулять по стране. Он провел в финансовом отделе несколько месяцев, внимательно прислушиваясь к разноголосице споров и слухов, принимаясь к веселому запаху всеобщего разложения и укрепляясь в намерении бежать оттуда при первой же возможности. Два неслыханных события способствовали его побегу – в Москве открыли первую биржу, и оттуда же народу разрешили иметь в частной собственности банки, заводы, газеты, пароходы и прочие средства угнетения. Новое солнце, на этот раз неоновое вставало над страной, готовясь осветить и обласкать тех, кому раньше и в тени было тепло, и погрузить в еще более густую тень тех, кого его лучи никогда не баловали, с какого бы боку оно ни всходило.

Страну выставили на торги и, проработав на заводе полгода, он покинул захиревшую обитель производственного капитала, увлекшись капиталом совсем иного рода. Биржевые игры захватили его воображение своей реальной возможностью обналичивать фиктивный капитал. Надо было только научиться плавать. С доброй помощью старого друга своего отца он устроился в доморощенную фирму с громким, ничего не говорящим названием, с пятью столами, шестью стульями, двумя телефонами и компанией авантюристов с кипящими глазами. То было время плохих новостей, шальных денег и ошарашивающих слухов. Они шли по зыбкой трясине того болота, в которое стремительно погружалась страна вместе с ее почтой, телеграфом,

вокзалами, банками, мостами, Зимним дворцом и кремлевскими мечтателями. Своей чуткой сосредоточенностью они напоминали бродячего фотографа, который, сбросив на землю потерятое пальто и продев руки в рукава, перезаряжает пленку, с той разницей, что под пальто не фотоаппарат, а толстый пучок разорванных проводов, среди которых нужно нащупать верные и соединить.

И вот в самом конце девяностого раздался тот самый звонок судьбы, который и обеспечил его благополучие и независимость. Однажды ему домой позвонил бывший однокурсник Юрка Долгих, зарабатывавший на хлеб в одном из банков. Среди прочего сообщил, что Риге нужны переводные рубли, а где их взять, да в таком количестве он не знает. И если ему, Димке, это интересно, то вот ему рижский телефон, и пусть он не забудет его в своих молитвах. Телефон он записал, поблагодарил и ушел к бывшей однокурснице, на которой в то время оттачивал свою любовную технику.

На следующий день он улучил момент и позвонил в Ригу. К своему удивлению, приятный женский голос на другом конце провода подтвердил нужду ее министерства в тех самых рублях, что как гнилые нитки трещали вместе с тканью, нас соединявшей. Он уточнил детали и пообещал позвонить в ближайшее время. Единственный человек, к которому он мог обратиться, был все тот же старый друг отца. И надо же было такому случиться, что именно в его объединении, имеющем право на торговлю с капиталистами, как раз и оказались в достаточном количестве те самые рубли, от которых, к тому же, там мечтали избавиться! Другими словами, его руки под пальто нащупали верные провода. Но перед тем как по ним побежал ток, пришлось освободить их от изоляции подозрительности, зачистить до блестящего интереса и крепко скрутить.

Взяв компаньоном Юрку Долгих, он срочно зарегистрировал фирму и посетил Ригу. Там он остановился в той самой гостинице, которую совсем недавно обстреляли не то наши, не то аборигены. Знакомясь, девушка-администратор показала выбоину в мраморе вестибюля, что напомнила ему мемориальные следы из времен блокады. "Как же вы здесь живете?" - спросил он. "Вот так и живем!" - улыбнулась белокурая красавица. В министерстве его хорошо приняли и в письменном виде согласились с его комиссией. Дальше был тот самый основной, до предела насыщенный предосторожностями договор сторон, куда он влез впитывающей прокладкой. Вскоре основные стороны обменялись безналичными реверансами, а еще через два месяца, накануне исторического развода, Рига расплатилась с ним сполна. Через Юрку он обналичил сто тысяч долларов и рассчитался с ним и с другом отца. Оставалось еще двести тысяч, которые любым способом следовало увести со счета до окончания полугодия. Юрка взялся сделать это через свой банк, но нужна была фирма за рубежом.

Дмитрий в очередной раз обратился к другу отца, и тот познакомил его с молодым потомком русских эмигрантов по имени Патрик, который с вежливой улыбкой и изящной бесцеремонностью мародерствовал в ту пору на советских развалинах. За отдельную плату он согласился принять Дмитрия в Париже, чтобы помочь ему открыть счет и приобрести оффшорную компанию, о которых в то время мало кто у нас знал.

Он полетел туда из Москвы. Был конец мая. Сев в самолет, он обнаружил там шумную актерскую компанию, из которых самыми известными были Всеволод Абдулов, Александр Абдулов и Александр Беляев. Всеволод смотрел на попутчиков мягким, добрым, нездешним взглядом, Александр, напротив, был конкретен, и сидя рядом с Беляевым, весь полет напролет жонглировал бутылкой коньяка и сигаретой. Популярное лицо его отдавало краснотой и грешной человечностью. Беляев изредка подавал реплики и был серьезен. Когда прилетели, их долго не выпускали, но, наконец, подъехал трап, и первым, поместившись в иллюминатор, на французскую землю ступил не кто иной, как Примаков. Через некоторое время освободили остальных. "Какие, однако, удивительно разные интересы слетелись вместе со мной во Францию!" - подумал он тогда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.